

158
999
Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

МУРАДБЕКЪ И ФАТИМА.

(Хивинское преданіе).

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменские.»
1896.

158
295

Н. С. Лыкошинъ.

МУРАДБЕКЪ И ФАТИМА.

(Хивинское преданіе).

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменскихъ».
1896.

Дозволено цензурою. Ташкентъ, 16 Іюня 1896 года.

МУРАДБЕКЪ и ФАТИМА.

(Хивинское преданіе).

Любимый младшій сынъ Мурадбека Лютфулла достигъ 9 лѣтняго возраста, и откладывать далѣе исполненіе надъ прелестнымъ мальчуганомъ обряда обрѣзанія, значило бы отступить отъ „сунната“—обычая, завѣщаннаго пророкомъ, значило бы возбудить непріятные разговоры среди глубоко уважавшихъ своего бека родовичей.—Вотъ почему, за недѣлю до назначеннаго для начала „тоя“ дня, джигиты Мурадбека, бѣднѣйшіе его родственники, рассыпались по степи, чтобы созвать на праздникъ всѣхъ, кто раньше, въ свою очередь, когда нибудь угощалъ при подобномъ же торжествѣ самого Мурадбека. Еще ранѣе, два вечера на пролетѣ просидѣли мирзы за изготовленіемъ пригласительныхъ записокъ, строго придерживаясь старшинства, родовитости и значенія

приглашаемыхъ. Длинный списокъ родовичей нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ и дополненіямъ, самое содержаніе записокъ подвергалось строгой критикѣ, чтобы не упустить изъ вида какое-нибудь изъ многочисленныхъ правилъ восточной вѣжливости, и наконецъ хозяину осталось только укрѣпить приглашенія своей именной печатью, часто замѣняющей у туземцевъ собственноручную подпись. Печать Мурадбека, затѣйливо вырѣзанная на серебрѣ, не носила на себѣ его имени; среди причудливыхъ украшеній, стояли красивою вязью исполненные слова: „*хадымъ-уль-фукара*“, что значитъ по арабски — „*слуга бѣдныхъ*“. Слѣдуя обыкновенію предковъ, Мурадбекъ замѣнилъ свое имя своимъ девизомъ, котораго держался всю свою жизнь, ни на минуту не забывая, гдѣ можно помочь слабѣйшему, сдѣлать доброе дѣло такъ, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая. Великодушіе было основной чертой характера бека; это качество онъ всосалъ съ молокомъ матери, унаслѣдовалъ отъ давно умершаго отца своего. Начертанный на печати бека девизъ не былъ только красивой фразой, не имѣющей связи съ дѣломъ; нѣтъ этотъ девизъ былъ начертанъ неизгладимо и въ сердцѣ Мурадбека.

Освѣдомившись о возвращеніи въ аулъ своихъ посланныхъ, Мурадбекъ вышелъ изъ своей юрты и выслушалъ докладъ cadaго изъ прибывшихъ объ исполненіи даннаго порученія. Всѣ вѣстники высказали своему господину восторженные привѣтствія отъ родовичей, получившихъ приглашенія на „той“, и можно было съ увѣренностью сказать, что всѣ привѣтствія искренни, — такъ велика была популярность бека между земляками.

— Ну, а Ширъ-Али здоровъ, обѣщалъ пріѣхать на той? спросилъ Мурадбекъ стройнаго молодого джигита въ большой бѣлой шапкѣ, державшаго въ поводу взмыленнаго караковаго туркмена.

— Да, таксырь, Ширъ-Али—Аксакаль обѣщалъ непременно быть и горитъ нетерпѣніемъ принять участіе въ состязаніи; стрѣльба изъ лука — его любимое занятіе; — отвѣчалъ спрошенный.

— Посмотримъ, посмотримъ, съ усмѣшкой отозвался бекъ и самодовольная улыбка освѣтила его красивое, смуглое лицо. Ему пріятно было подумать о состязаніи съ сильнымъ противникомъ; побѣдить въ стрѣлбѣ изъ лука лучшаго стрѣлка всей Ургенчской округи было не легко, а потому и лестно для бека, то-

же очень любившаго стрѣльбу изъ лука, которая требовала столько-же остроты зрѣнія, сколько и твердости въ рукѣ, спускающей стрѣлу.

Теперь, когда цивилизація вмѣстѣ съ многими полезными изобрѣтеніями, дала въ руки человѣку и губительное огнестрѣльное оружіе (для разрушительнаго дѣйствія котораго нѣтъ ни преградъ, ни разстояній), конечно стрѣльба изъ лука не больше, какъ дѣтская забава, но, было время, когда кочевые народы отлично обходились безъ ружей и пушекъ, а весь успѣхъ битвы зависѣлъ отъ умѣнья искусно владѣть кривой пашкой вблизи и тугонатынутымъ лукомъ—вдали отъ непріятеля. Легкія пѣвучія стрѣлы, направленныя рукой мѣткаго, искуснаго стрѣлка не могли наносить такихъ страшныхъ, непоправимыхъ поврежденій, какія сѣетъ на своемъ пути граната дальнобойной пушки, или причиняетъ маленькая, жужжащая злодѣйка—пуля, вылетѣвшая изъ ствола новой малокалиберной винтовки, но и стрѣла, умѣло пущенная, достигала той цѣли, къ которой была пущена—выводила изъ строя противника коннаго, или пѣшаго, заставляя его сначала перевязать свою рану, а потомъ уже продолжать начатое дѣло. Не все-ли равно, что заставило коннаго нукера спѣшиться и оставить ряды своей сотни—

пуля, или стрѣла, лишь-бы сила противника въ рѣшительный моментъ атаки ослабла, лишь-бы натискъ лихихъ наѣздниковъ не былъ такъ друженъ. Правда, поле битвы не заливалось потоками крови, число убитыхъ на смерть было незначительно, но развѣ въ уничтоженіи себѣ подобныхъ можно найти себѣ какое либо оправданіе? Не лучше ли было постараться только временно ослабить противника, не лишая человѣка лучшаго блага даннаго ему Богомъ—не отнимая у него жизни.

Отдавая луку должное на войнѣ, Мурадбекъ любилъ его и какъ забаву, и какъ оружіе для легкой интересной охоты на быстроногихъ „сайгаковъ“. Для успѣха на охотѣ за дикими козами нужно было быть недюжиннымъ стрѣлкомъ изъ лука. Только очень вѣрной рукой пущенная стрѣла могла настичь, какъ вѣтеръ, несущееся животное, положить добычу къ ногамъ страстнаго охотника. Не мало нужно было постояннаго упражненія въ стрѣльбѣ и Мурадбекъ достигъ въ этомъ спортѣ завиднаго совершенства. Только пожалуй одинъ Ширъ-Али, котораго бекъ ждалъ къ себѣ въ гости, и могъ поспорить съ нимъ въ мѣткости стрѣльбы изъ лука.—„Помѣряемся!“! подумалъ про себя бекъ и отдалъ приказаніе готовить все нужное

для угощенія созванныхъ на „той“ его сына гостей.

Близъ юрты бека въ вырытыя въ землѣ ямы—очаги поставили громадныя чугунныя котлы, а близъ котловъ приготовили громадныя кучи колючки—растенія, замѣняющаго въ степи топливо, и вѣтвей безлистнаго коряваго саксаула. О топливѣ надо подумать заблаговременно, не собирать же его по степи, когда надо безпрестанно подкладывать его подъ котелъ, ни на минуту не ослабляя огня.

Жена бека, красивая и стройная Биби-Фатима принялась распоряжаться стряпней и, подъ ея руководствомъ, десятокъ женщинъ засуетились вокругъ котловъ. Предстояло согрѣть въ котлахъ воду и вязанками камыша и соломы на чисто вымыты котлы, предназначенные на завтра для варки громаднаго количества мяса—главнаго угощенія на всѣхъ туземныхъ праздникахъ. Закипѣла работа и къ вечеру все было готово: котлы вымыты, лошади и бараны зарѣзаны, большіе мѣшки риса сложены въ ближнихъ юртахъ. По близости-же поставленъ „тандуръ“—оригинальная печь для выпеканія громадныхъ праздничныхъ лепешекъ—и разложены сушеные фрукты, которыя вмѣстѣ съ хлѣбомъ и другими сладостями придется завтра

подать къ чаю дорогимъ гостямъ. На сырыхъ кожахъ замѣсили крутое тѣсто для лепешекъ и еще задолго до разсвѣта начали ихъ печь. Большія и малыя лепешки, грудями наложенныя въ юртѣ, далеко вокругъ распространяли аппетитный запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба.

Рано поднялась на другой день семья Мурадбека. Только что окончился намазъ „бамдатель“, только что солнышко озолотило своими лучами верхушки высокихъ песчаныхъ бугровъ-бархановъ, какъ понемногу, группами по 4 по 5 человекъ, стали съѣзжаться изъ окрестныхъ ауловъ приглашенные.

Господа, слуги и лошади одинаково имѣли нужду въ отдыхѣ послѣ ночного переѣзда, имѣли одинаковое право и на гостепріимство радушнаго хозяина. Слуги Мурадбека помогали пріѣзжимъ сойти съ коня и тотчасъ-же принимали на себя заботы о дорогихъ статныхъ скакунахъ. Ослабивъ подпруги, разнуздавъ лошадей, ихъ привязывали къ приколамъ, обыкновенно, составляющимъ предметъ конскаго снаряженія каждаго всадника и, покрывъ легкой узорчатой попоной, оставляли въ покоѣ до времени, когда можно будетъ задать кормъ и напоить безъ вреда для утомленнаго большимъ переходомъ животнаго. Слуги пріѣзжихъ зани-